

КРИСТИНА ЮРАШ

МАГИЧЕСКИЙ НУАР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кристина Юраш
Магический Нуар

«Автор»

2021

Юраш К. Ю.

Магический Нуар / К. Ю. Юраш — «Автор», 2021

Попала в другой мир и стала адвокатом? Но даже на самого красивого адвоката найдет самый соблазнительный прокурор. Так что моя адвокатская контора теперь располагается в старом здании борделя, я вожу дружбу с гномьей мафией, защищаю в суде опасного преступника, лихо вожу машину и поспорила с прокурором на любовь, что я выиграю дело, которое не под силу выиграть никому!

© Юраш К. Ю., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава первая. Висяк	5
Глава вторая. Преступление и показания	11
Глава третья. Имеем по закону	14
Глава четвертая. Ордер на арест	18
Глава пятая. Изнасилование в особо крупных...	22
Глава шестая. Адвокат в деле! Совесть в доле!	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Кристина Юраш

Магический Нуар

Глава первая. Висяк

Я сидела на полу, чувствуя, как трясутся руки, вытирающие свежую лужу крови. От моего дома с сиреной отъезжали машинки с мигалками, увозя мою личную жизнь, которая вдруг решила разнообразиться. Уезжала моя личная жизнь в места не столь отдаленные, но и весьма не приближенные. И возможно даже на приличный срок!

Это сколько сейчас? Пол одиннадцатого? А ведь еще в шесть часов вечера ничто не предвещало беды. Беда пришла в шесть часов десять минут, когда я вышла покурить на крыльцо.

Я чиркнула зажигалкой и спрятала ее в карман халата. Одинокая женщина имеет полное право отметить переезд бокалом вина и сигареткой. Пока я медитировала на свое одиночество, расслабив булочки, меня схватили прямо на пороге собственного дома!

И уже пару мгновений меня уже затаскивали в дом таинственные любители одиноких женщин. Видимо, в силу интеллекта, они решили, что в свои тридцать лет с небольшим я отложила значительную сумму на похороны мечты о прекрасном принце, и молодости заодно. Поэтому буду рада любому мужику. Даже грабителям.

Судя по алчным взглядам, хоронить молодость я собиралась с размахом, наняв кучу плакальщик среди замужних подруг, заказав киллеру целый оркестр, выдувающий что-то очень печальное. Какую – нибудь «Оду к двадцати кошкам!», или увертюру «Да здравствует женатый любовник». А может, это был отрывок из балета: «Белые тапочки»? Я точно еще не решила.

Когда я очнулась после встречи с чужим кулаком, меня уже привязывали к стулу, намекая на то, что «сидеть тебе в девках до конца своих дней». И взглядами тонко анонсируя, что это – не так уж и долго.

Кусок скотча решил сделать в будущем мне посмертную эпиляцию верхней губы. Поясок от халатика намекал, что пусть я и очень одинокая женщина, но руки распускать не следует.

– Где деньги? – спрашивали меня, пока я молча кивала в сторону кошелька, лежащего в сумке. Сколько их тут? Пятеро? Отлично! Пятьдесят рублей на пятерых – это же ого-го какая сумма!

Это я сейчас так спокойно об это рассказываю, а в тот момент меня действительно тихо приобнял добрый дедушка Кондратий. И чуть не уволок в неотложку.

Самое интересное, что руки мне завязали спереди так, словно делали это впервые в жизни. Я в кадетке так шнурки завязывала.

В кармане халата спокойно лежал телефон. Мое три дня как новое жилье торжественно обыскивала целая банда. Один из вломившихся, в маске сделал мне первую эпиляцию верхней губы, оторвав скотч:

– Где деньги, золото? – хрипло спросил он. У меня в мыслях пронесся ментоловый крем для проблемной кожи после эпиляции.

– Ничего нет, у меня зарплата маленькая, – вздохнула я. – Вы мне хоть двадцать рублей оставьте на проезд на работу.

– И где ж так мало зарабатывают? – с издевочкой поинтересовался будущий сиделец.

– Шью и иногда сажаю всякие цветочки, – спокойно заметила я, пока все искали глазами швейную машинку.

– А вот что я шью и насколько глубоко сажаю, вы это узнаете очень скоро, – добавила я, глубоко вздохнув.

Я нашарила телефон и украдкой набрала последний номер. Это был номер моего начальника, с которым обсуждали очень рабочий момент.

«Не бросай меня! Я не переживу этого!». Дорогие девушки, когда вы бросаете женатых, помните, что жена всегда поймает! О чем он, собственно и узнал из первых уст.

Странно, но бардак есть, а в кошелек даже не полезли проверять. И сумку не перетряхнули. Это наводило меня на странные мысли.

– Ах ты, ментовка! Мочить ее надо! – дерзко заявил товарищ в маске.

– Я и так уже влажная! – усмехнулась я, чувствуя, как мне снова залепили рот скотчем. Немного погодя скотч снова отодрали.

– Почему отдираем только с одной стороны? У меня вторая еще не продепелирована! – заметила я, глядя, как бардак разрастается, а ущерба никакого. Даже золотую цепочку с шеи не сняли.

Внезапно дверь распахнулась. Троих, как ветром сдуло!

– Всем, стоять на месте! – послышался голос. Во дворе виднелась припаркованная машина. Раздалось несколько выстрелов, и двое грабителей упали на пол.

– Ты как? Ты в порядке? Когда ты позвонила, я бросил все и приехал! Я уже вызвал наших! Сейчас разберутся!

Я так понимаю, кто-то решил прикинуться местным Джеки Чаном по голове, Сильвестром с Талоном Идиота, Арнольдом Шварценгольдом, знатно сэкономившим на букете цветов и извинениях.

Я молча ждала, когда трупы погрузят в труповозку. Где-то хватался за сердце старенький генпрокурор, чей зять сейчас решил порадовать меня отличным креативным поздравлением с восьмым марта.

– Зачем ты их нанял? – спросила я в упор, глядя на любителя висяков.

То, что главный висяк у него телепался в штанах, мне стало понятно сразу после корпоратива. Покушение на измену тоже, по идее, должно караться по всей строгости закона.

На большее товарищ – начальник не сподобился.

Подвело его табельное оружие! Осечка, так сказать! И, судя по вечно грустным глазам его жены, ружье, которое должно было выстрелить хотя бы в третьем акте, пылится уже ... на двадцатый год совместной жизни.

Сегодня на корпоративе со словами: «Мы так давно вместе работаем, а еще ни разу вместе не спали», доблестный не действующий, но числящийся в стройных рядах, член полиции сообщил, что питает ко мне тайную страсть.

А потом решил продемонстрировать, как «пытает» свою тайную страсть. Сняв штаны он упорно пытаюсь доказать своей висюлке, что жена – это одно, а потенциальная любовница – это другое. Табельное оружие почему-то разницы не видело. Хотя герой был уверен, что вялая артиллерия просто отказывается бить по своим. Так потенциальная любовница сразу почувствовала себя законной женой.

Я заметила бы слово «потенциальная» на «импотенциальную», молча занялась любовью с его мозгами. Под конец я гордо удалилась в закат со словами, что оральным сексом мы уже позанимались, ибо проорала я ситуации знатно.

И, видимо, зря... Приток крови решил изменить направление движения. И вместо того, чтобы расшевелить грустную тряпочку, он мощной струей ударил в мозг. Мне кажется, что именно так родилась гениальная идея по моему завоеванию.

– Ты все равно ничего не докажешь! – меня пытались обнять.

– А ты все равно ничего не покажешь! – прошептала я, тоскливо глядя на чужие пуговицы штанов.

– Попробуй кому-нибудь вякнуть! – обиделись на меня. – Пристрелю. До завтра.

Я осталась одна, глядя как один поникший герой уносит в штанах другого поникшего героя.

Великая тайна ста любовниц, о которых любил рассказывать один мачо в погонах, была раскрыта. И, видимо, не зря у него в кабинете стояли шахматы и шашки. Это было единственное развлечение, которое он мог себе позволить на свидании.

Теперь за то, что я не дала, работать мне тоже не дадут. Я бы, возможно, и дала бы. Мне уже далеко не двадцать, и мужик красивый, но взятка не состоялась, а взяточник пойман с висящим поличным.

Я снова взяла сигареты, бросила в раковину тряпку и вышла на крыльцо. На небе светили звезды. Прохожие спешили с букетами цветов. Таял снег, обнажая собачьи подснежники. Где и в лесу оттаяли «подснежники». Перезимовали. Сейчас пойдут вызовы от собачников, которые случайно насобирали «букет» в пакетах. Все нормально, жизнь идет, слегка ускоряясь, чтобы скатиться в пропасть. Не скоро я после этого буду звездочки обмывать, ой, не скоро...

– Вот бы сейчас либо он распался на молекулы, либо я! – психанула я, туша окурков о перила крыльца. С неба упала звезда. И чувствую, что точно такая же полетит с моих погон в ближайшее время.

Я уже собиралась вернуться в дом, как вдруг поскользнулась и упала на спину, глядя, как в глазах вертятся звездочки. Судя по их количеству я уже генерал!

– Ух-ё... – простонала я, закрывая глаза и выдыхая. – ФИЗО сдавать надо было по чесноку... Вот сдала бы ФИЗО, так бы не стонала... Хоть ничего не сломала! Надеюсь...

В глазах потемнело, а я успела только сглотнуть. Гул в ушах нарастал, а я медленно отъезжала.

– Все, пора валить в адвокаты... – простонала я, окончательно теряя сознание.

Очнулась я, лежа на холодном полу в каком-то музее. Иначе как объяснить обилие ненужных, но красивых архитектурных излишеств? Придя в сознание, я сглотнула, понимая, что отделалась легким переломом сигарет.

В какой-то момент я почувствовала себя древним мамонтом, которого бережно извлекли из вечной мерзлоты. Или кучкой костей динозавра. Так или иначе, я лежала доисторическим ископаемым, уныло созерцая помпезный потолок.

Немного собравшись с костями, я поднялась. Мир вокруг меня кружился каруселью, а все вокруг поначалу напоминало мазню сумасшедших импрессионистов. «Картины падают маслом вниз!», – подумалось мне. Я потеряла ушибленную «масленицу», чувствуя, что вместо задницы у меня блин – нервным комом!

На меня сурово смотрела статуя маленькой голой бородатой женщины с подносом фруктов. Мраморная борода кокетливо прикрывала интимные части тела. Я даже слегка задумалась, глядя на этот шедевр, пытаюсь понять, что за моральный овощ навял этот фрукт. Из каких глубин фантазии выползло вот это, и что можно сделать с глазами, чтобы это развидеть!

– Еще один кандидат! Я уже думал, все адвокаты кончились! – услышала я мужской голос. На меня смотрел явный родственник мраморной красавицы, которая была знакома с эпилятором исключительно по переписке.

– Войдите! – потребовал скрипучий голос из-за роскошных дверей. Я встала, с отнюдь не женским интересом разглядывая солидного мужичка.

– Вас хотят видеть, – чинно произнес бородатый мужичок.

Он точно разговаривает со мной? Хорошо, спросим по-другому! С какой частью тела ведется этот содержательный диалог? Просто фраза: «Вас хотят видеть», обращенная к моим нижним прелестям, звучит достаточно смело.

Ой-ой-ой! Что же с головой?

Двери передо мной открылись. Я пожала плечами и зашла в кабинет.

В огромном кабинете стоял огромный стол. За этим огромным дорогим столом, в огромном дорогом кресле сидел маленький седой дедушка в роскошном костюме. Дедушка проверял запонки. А я решила проверить свою голову. У врача. И как можно быстрее. Рядом с дедушкой стояла пепельница. Сизый дымок сигары уходил под потолок.

– Имя! – сурово произнес старенький малыш, делая тягу. Такой тяги хватило бы, чтобы задохнулся конезавод.

– Алиса, – зевнула я, рассматривая роскошное убранство в стиле тридцатых годов.

– Я так вижу, что вы – крупный специалист, – недовольным голосом заметил карлик. – Крупные специалисты нам не нужны! Нам нужны мелкие.

– А в чем дело? – уточнила я, вдыхая сладковатый запах сигары.

– Мой сын пойман и задержан за вождение в нетрезвом виде, Поскольку он учится в Гномсворде на юриста, там с этим строго. Пятна на биографии моего сына быть не должно. И мне нужен тот, кто вытащит его из камеры. С оправдательным приговором, разумеется. За это я готов платить большие деньги, – дедушка смотрел на меня.

В его колючем взгляде из-под хмурых кустистых бровей проскользнула надежда.

– Несите напильник! Сейчас попробуем! – усмехнулась я, глядя на, я так понимаю, гнома.

Осознание, что это – гном заставило меня слегка напрячься. И вспомнить, что я смешивала на корпоративе. Поскольку курс юного алкохимика я не проходила, подозрения усиливались.

«Ко всем нормальным людям приходят белочки, а ко мне гномик!», – согласилась я.

– Не смешно! Мой сын подает большие надежды! Я планирую засунуть его в политику, поэтому озабочен безупречностью его репутации. Если вы действительно профессиональный адвокат, который сумеет повернуть дельце, то, так и быть, я заплачу вам вдвое больше. Ваша задача, чтобы дело не дошло до суда. Мне огласка не нужна, – сурово заметил гном.

– Показывайте, все, что у вас есть! Все документы! – вздохнула я, понимая, что во рту натекла знатная лужица стойкой табачной зависимости. – И сигарету, пожалуйста.

Через две минуты, я сидела в кресле, потягивая сигару и просматривая протоколы задержания. Некий Казимброг сын Саграгрона, по-нашему Саграгронович из династии Валжебл был задержан за незначительное превышение скорости. Какой-то орган правопорядка, на который очень хотелось послать всех недоброжелателей, вежливо попросил его остановиться. После визуального осмотра и нюхательного процесса выяснилось, что господин Казимброг пьян в драбадан. В связи чем, и был доставлен в участок для выяснения обстоятельств и предварительного досудебного разбирательства.

– Я просто в ужасе, – прокашлялась я, поглядывая на свою роскошную сигару. – Бедный столетний мальчик, который даже алкоголя не видел на картинке! А если и где-то мелькала такая картинка, то заботливый папа, тут же закрывал ему глазки, мол, сынок, не смотри! Ни в коем случае! Бедный ребенок является председателем общества убежденных трезвенников и недобитых язвенников, поэтому по настоянию врача, в связи с тяжелой, возможно, наследственной болезнью пищеварения, вынужден принимать кефир, в ненормированном объеме. Он даже суп с кефиром ест. Я не говорю про компот. Везде кефир... Даже в чае кефир... Иначе все... Скефирится! Бедный мальчик, совсем слаб здоровьем, поэтому его ни в коем случае нельзя держать в холодной, одиночной камере. Где ж он там очередную дозу кефирчика раздобудет? В день задержания бедный мальчик выпил четыре литра кефира. Какой алкоголь? О чем вы? Совершенно домашний ребенок, который ни капли в рот, ни сантиметра в жопу! Отличник, с хорошими рекомендациями, спортсмен...

– А каким видом спорта он занимается? – уточнил заинтересованный отец, поглаживая окладистую бороду.

– Настольным пенисом, – прокашлялась я, глядя на протокол.

– Учиться класть его на все и все, что крайне полезно для будущего политика. Это – новый, элитный вид спорта. Это вам не какой-нибудь гандбол! Тут все интеллектуально и интеллигентно. Так, на чем я остановилась? Ага! Почувствовав легкое недомогание, которое сопровождалось нарушением координации движений... Как тут написано? Пошатывался и трясся! Он не пошатывался, господа! Как вы могли такое подумать! Бедный мальчик переминался с ноги на ногу, чувствуя, что он – законопослушный гражданин, который не хочет нарушить какой-нибудь закон для собачек и их хозяев, сделав грязные дела на улице. Злой, бессердечный полицейский, вместо того, чтобы оказать посильную помощь страдающему ребенку, продержал его... сколько тут по времени... Сорок минут! Сорок минут после четырех литров кефира! Да это же издевательство над детским организмом. Я бы даже назвала это пыткой, за которую полагается компенсация со стороны государства. Но мы милосердно отказываемся от этих денег, а если нам их присудят, то выплатим их в фонд помощи сирот, страдающих хроническим надоеданием!

На меня смотрели круглыми глазами. Я тушила сигару о бортик золотой пепельницы, уже полной нервных окурков.

– Несите справку от лечащего врача про кефирную диету. Плюс рекомендации с места обучения, о том, что ваш сын – образцовый студент. И какую-нибудь медальку по настольному пенису. Можно грамоту. И бутылку восемь кефира, – я сложила на стол папку, глядя на гнома.

Через двадцать минут на столе лежали: золотая медаль, диплом за занятое первое место в столь редком виде спорта (причем, сразу в тяжелом весе), стопка рекомендаций и справочка от лечащего врача. Добрый доктор от себя добавил для убедительности даже кефирные клизмы, хотя его об этом не просили.

– Подготовьте машину! – приказал отец, слезая со своего трона. Он едва доставал мне до груди, но был настроен очень решительно. Я следовала за ним, неся в руках папку, свежую медаль, стопку грамот.

– Сейчас нас отвезут в участок. Кефир мой шофер купит по пути! – вздохнул отец, любуясь грамотами и усмехаясь. – Молодец, сынок! Я тобой горжусь!

Мы вышли из огромного особняка. Сам особняк выглядел внушительно! Золотые колонны придерживали не только балкон второго этажа, но и имидж хозяина. Вокруг особняка расположился уютный и зеленый, как пустыня Сахара, сад камней. Рядом с большим камнем сидел еще один гном, что-то усиленно выдалбливая на нем.

– Кто так ровняет кусты?! – возмутился хозяин, глядя на каменную глыбу. – Где форма? Если я вернусь, а ты еще не закончил, вернешься обратно в шахту!

Возле лестницы стояли маленькие машинки. Я посмотрела на ближайшую и удивилась. В последний раз я видела точно такую же, но большую старом в черно-белом кино и высунутым в окно автоматом.

– Охрану сюда! – приказал мистер Валжебл, а к нам подошли шесть маленьких квадратных гномов, заставив меня прослезиться. Я чувствовала себя если не кукушонком в гнезде воробьев, то стопроцентной Белоснежкой.

– Машина проверена! Я только что ездил в магический сервис! – отпартовал гном-водитель, учтиво открывая маленькие двери.

Дон Гномлеоне чинно сел на кожаное сидение, указывая мне место рядом. Я попыталась протиснуться, чувствуя, как головой подпираю потолок. Рядом со мной и на переднем сидении уселись телохранили. Машина завелась от одного прикосновения и раскатисто заурчала.

Пока колеса считали брусчатку, я чувствовала себя атлантом, который держит небо на каменных руках.

– После Гнорлема остановитесь и купите восемь бутылок кефира, – приказал дон Гномлеоне, доставая сигару. Я с интересом смотрела в окно, скрючившись в три погибели. Машина притормозила на светофоре, пропуская такие же разнокалиберные старинные машины.

Ничего себе! Я даже отпрянула от стекла, видя огромное зеленое чудовище, похожее на Халка, стоящее возле старой побитой кирпичной стены.

Ветер трепал расклеенные по всей стене плакаты: «Разыскивается за грабеж и изнасилование». Сто процентное совпадение портрета и чудовища не смущало никого. Даже полицейских, которые слегка ускорили шаг, делая вид, что где-то пролетает птичка.

Мы снова дернулись и поехали, тормознув возле симпатичного магазина. Мне на колени погрузили старинные, пузатые бутылки с кефиром, одну из которых я выдала отцу.

– Выпьте перед участком, – вздохнула я. Какая гадость! Мне как назло совсем не хочется кефира!

Через десять минут мы внезапно остановились. Суровая охрана вышла, выпуская нас из авто. Я чувствовала, как медленно и с хрустом эволюционирую в человека прямоходящего. Мой взгляд скользнул на чудо техники. Я представила, как поеду обратно. Шальная мысль бежать пешком за авто посещала меня все чаще и чаще!

– Пейте, – вздохнула я, сгружая охране часть бутылок, и сама выпивая одну целиком. Дон Гнорлеоне посмотрел на меня, но послушно выпил.

– А теперь дышите! – я наклонилась и принялась. – Отлично!

Белые, молочные усы у старого гнома выглядели наивно и трогательно. Запах из моего рта навевал воспоминания о пьяных бомжах в трамвае.

На входе в полицейский участок стоял суровый гном и обычного роста мужчина неземной красоты. Они делали умные лица и со скучающим видом следили за прохожими.

– Стоять! – полицейский гном уперся мне в грудь взглядом. – Вы к кому? Я вас не знаю.

– Правая и левая вас тоже не знают, и что-то не хотят знакомиться с вами лично! Пропустите! Я – адвокат! Я имею право на посещение задержанных в любое время, если это требует их состояние здоровья! – произнесла я, понимая, что более дивного сна у меня не было даже после новогоднего корпоратива.

– Я сообщу начальнику! – строго заметил полицейский, пока Белоснежка в моем лице терлась возле входа со своей детсадовской группой.

«Прикрой мою задницу!», – прозвучала в голове фраза из голливудских боевиков. Собственно, именно это место чувствовало себя очень защищенным в силу гномьего роста. С ними хорошо лазить в огород обладателя ружья с солью. Что мне: «Мамочки, как больно!», то гному – контрольный выстрел в голову.

Глава вторая. Преступление и показания

Через десять минут к нам спустился тот самый гном, приглашая пройти внутрь. В огромном зале за столом грустно сидело огромное зеленое чудовище, задумчиво ковыряя в носу и внимательно дегустируя плоды столь нелегкого промысла.

Нас провели по коридору, открывая дверь в кабинет, где от табачного дыма не отмахнешься ни топором, ни освежителем воздуха. Даже мухи роились по несвойственной им траектории, вяло жужжа над письменным столом.

– Вы к кому? – спросил хриплый голос, а из-за стола торчала голова очередного представителя бородатых меньшинств.

– Мы к... – я достала бумажку, разминая речевой аппарат перед сложным маневром. – Ка-зим-бдрог. Срочно! Я, как адвокат, срочно требую выпустить ребенка из камеры с целью оказания ему необходимой медицинской помощи!

– Что??? – взъерепенился гном, подходя ко мне. – Вы как разговаривает комиссаром Шпактоси! Вы смотрите на меня сверху вниз. И это – дискриминация по расовому признаку.

– А вы пялитесь на мою грудь, – заметила я, улыбаясь. – Это дискриминация по половому признаку. Я бы даже расценила это, как домогательство! И взыскала бы с вас приличную компенсацию. Срочно выпустите... Казимбд-рога из камеры, в связи с отсутствием состава преступления!

– По-вашему, вождение в пьяном виде с превышением скорости – это не повод держать правонарушителя в клетке? – нахмурился комиссар Шпактоси, гневно сопя.

– Каком пьяном виде? Вы шутите? – натурально удивилась я, глядя как рядом чинно стоит рядом моя гномья делегация, свирепо глядя на комиссара. – Мальчик серьезно болен! И сейчас вы удерживаете его в камере, где он может в любую минуту умереть! Бедный ребенок скончается, если не получит квалифицированную медицинскую помощь! Своевременную! Вам нужен труп в камере? Если мальчик умрет, то отвечать перед законом будете вы! Да, именно вы!

– От чего умрет? Разве что от похмелья! – усмехнулся комиссар. Я смотрела на лесенку, которая была приставлена к старому шкафу с пожелтевшими папками. На письменном столе стояла печатная машинка и тлела зловонная папироса, которую я бы запросто назвала «Беломор Анал».

– Какое похмелье? О чем вы? Мальчик до сих пор уверен, что градусы бывают только на термометре! А слово «алкоголь» он вообще не слышал! Ему даже пробку понюхать не давали! Он конфеты с ликером никогда в рот не брал! Бедный ребенок страдает наследственным аутоимунным заболеванием. Очень редким, между прочим. Вот справка от лечащего врача... – я нарочно дыхла на комиссара, попивая противный кефирчик. – И каждый день ему необходимо выпивать четыре литра кефира! Четыре! Кефир разве считается алкоголем? Нет!

– Да что вы говорите! – возмутился комиссар, поглядывая на мою бутылку. – А как же показания свидетелей?

– Свидетелей чего? Бессердечные люди, видя как ребенку плохо, должны не протоколы подписывать, а срочно вызывать врача! – гневно заметила я, чувствуя, как у меня в горле першит от едкого дыма. – Ваш сотрудник превысил полномочия. И вместо оказания первой помощи, удерживал больного ребенка целых сорок минут!

– Да он шатался и лыка не вязал! – гневно заметил комиссар Шпактоси, не веря ни одному моему слову.

– Он переминался с ноги на ногу! Знаете такой танец: «Я хочу в туалет»? Так вот, это было он! – прокашлялась я, отмахиваясь от дыма бумагами.

– Ну-ну... Я готов отпустить вашего кефирщика, если он при мне выпьет четыре литра кефира! – усмехнулся комиссар. – И пусть только попробует не выпить! Я привлеку вас за дачу ложных показаний!

– А я ничего не подписывала! И мои клиенты тоже! Слова к делу не пришьешь! – улыбнулась я, видя, как недовольный комиссар повел нас по коридору, орущему всеми трещинами: «Мне срочно требуется капитальный ремонт!». Нам открыли скрипучую дверь, и мы спустились по лестнице, заведя грязные камеры. В одной камере набилось пятьдесят фотомоделей всех полов с заостренными ушами с транспарантами: «Мы за свободную любовь к человеку!».

– Что смотрите? – нахмурился комиссар, глядя на клетку. – Еще день держу, а потом проваливайте куда хотите! У меня тут не гостиница!

– Ну пожалуйста, – заныли митингующие. – Еще хотя бы два денечка, чтобы уже наверняка!

– А что такое? – поинтересовалась я, глядя на милые транспаранты и красивые лица.

– Эльфийская демонстрация «За свободную любовь к человеку!». Точнее, все, кого успели отбить! – нахмурился комиссар. – Теперь выходить бояться, вспоминая павших товарищей. Низко павших. Потому, как на соседней улице проходил пикет «Орки за свободную любовь ко всему, что шевелится!» И вот орки решили не словом, а делом. Устроить массовый ... как это называется? Перфоманс! Показать, серьезность намерений! Проявить любовь в самом физическом ее проявлении!

В соседней камере было попросторней. В ней сидело пять гномов, один из которых, вполне мог оказаться нашим клиентом, но нет...

– А эти за что? – заинтересовалась я, поглядывая на хмурые лица.

– Это щипачи! – вздохнул комиссар, а узники подняли головы.

– Карманники? – я отошла подальше.

– За задницы девушек щипали в общественных местах! И за интимные тоже! Целая банда, будь она не ладна! И вот перепутали бородатого мужика с ...эм... женщиной. С криками: «Ах, какая красавица!», они попытались утащить его в подворотню. Их там ждал сюрприз! – вздохнул комиссар. – Разумеется, не самый приятный! Дощипались! Че устались! Не к вам! Сидите тихо, а то опять очную ставку организую!

Приснится же такое! Пора рапорт подавать на отпуск! И, возможно даже грехов!

Я шла дальше, с удивлением глядя на клетку, в которой сидел огромный и страшный родственник Халка, свирепо сопя. К прутьям клетки прильнули сразу два эльфа. Один из них был с ярко выраженным косоглазием. Он молчал, глядя на меня с мольбой и протягивая ко мне руку. Второй, заикаясь, пытался выдать слово: «Спасите!», но успехи пока что не радовали даже начинающего логопеда.

– Это Ларри Орк, – вздохнул комиссар, когда косоглазый эльф упал на колени перед нами. – И два вора! Ларри Орк недавно отсидел десять лет в одиночной камере за жестокое изнасилование мужчин. Его выпустили на днях. Как раз в тот момент, когда Ларри решил найти себе кого-нибудь в целях развеять грусть-тоску, но тут в окно появляется чья-то задница. Ларри подождал, когда первая задница поможет второй влезть в окно со словами: «Здесь никто не живет! Хватаем, что плохо лежит и мотаем отсюда!». Через неделю прохожие стали жаловаться на крики. Пока он брал их, мы брали его. Это была очень сложная операция. Мы четыре дня сидели в засаде возле его дома. Ждали, когда нарезать. Я вошел первый со словами: «Прикройте мою задницу!».

– Ыыыы, – стонал косоглазый, пока Ларри Орк, тихо дремал на скамье.

– Теперь надемся, чтобы воришки оклемались и наконец-то дали показания против Ларри. Но пока безрезультатно. Подождем еще! Потому что Ларри выдавать их не собирается! – вздохнул комиссар, а я начинала понимать, что это – очень страшный человек. Извините, гном.

– Вот ваш, болящий! – дверь камеры со скрипом открылась, а вот глаза у узника нет. Он что-то промычал, отмахиваясь от невидимых мух.

– Как вы могли! Ребенку плохо! Срочно! Несите кефир! – заорала я, глядя на невменяемое тело, погруженное в собственную жидкость.

– Я жду! Спасайте! – насмешливо произнес комиссар. Отец подошел к бородатому ребенку, который даже не удосужился опознать родную кровь.

– Давай, сынок, – заметил отец, присаживаясь рядом. – Давай, сынок, кефирчик!

– Ээээ, – открыл мутные глаза страдалец. Я так и не могла понять, узнал он папашку или нет. – Не-е-е....

– После вашей камеры, мальчик жить не хочет! – заметила я, глядя как вливается первая бутылка кефира, частично оставаясь на бороде малышка. – Довели ребенка!

Вторая бутылка вливалась с явными протестами. Для третьей пришлось зажать нос. Почти половина четвертой была влита заботливой рукой отца при помощи доблестной отцовской охраны.

Ему подали следующую бутылку. Телохранители держали дрожащее тело отпрыска и «отбрызга» белыми кефирными хлопьями.

– Тяжелый случай, – вздохнула я, с содроганием глядя на следующую бутылку, которая опрокинулась в рот будущему политику. Да, с такими снами, хоть увольняйся! – Его нужно срочно госпитализировать!

Есть у меня предположение, что в недалеком, как мой подопечный, будущем, вступит в силу антикефирный закон.

– Четвертая! – заметил отец, пока наследник упорно выворачивался из заботливых рук охраны, намереваясь вывернуться наизнанку.

– Все! Четыре литра! Мой сын спасен! – заметил отец. «Бе-е-е!», – орал счастливчик, рыдая и размазывая сопли вперемешку с кефиром по лицу. – Я тоже очень рад, что ты выжил!

– Мы берем его на поруки, – тут же произнесла я, расписывая и демонстрируя его награды вздыхающему комиссару.

Охрана уже взяла мажора на руки, таща в сторону выхода.

– Хорошо, на первый раз отпускаю, – произнес комиссар, поигрывая ключами на пальце. – Но в следующий раз его ждет суд!

Я ускоренным шагом проходила мимо окосевшего эльфа, старательно пряча глаза.

– А у вас разве нет статьи про изнасилование? – поинтересовалась я, слыша жалобное мычание и радостный зевотк выспавшегося и набравшегося сил Ларри.

– Нет, у нас есть статья «не успел убежать!». А это уже целиком вина пострадавших! – хмыкнул комиссар, с грохотом закрывая дверь камеры.

– У вас камера освободилась, – намекнула я, не выдерживая столько горя в косых эльфийских глазах.

– Не волнуйтесь! У нас еще следственный эксперимент будет! – пообещал комиссар, а за спиной послышалось рычание и очень жалобный крик, который перерос в ритмичное икание.

Дверь закрылась, а мы спокойно покинули здание полиции.

– В какой конторе работаете? – поинтересовался местный гном Корлеоне, потирая бороду.

– Я не работаю... Так, сама по себе! – вздохнула я, провожая завистливым взглядом красавицу – эльфийку в изящном плащике.

– Этот вопрос мы решим! Скоро у вас будет своя контора! Здание мы вам найдем! – вздохнул счастливый отец, а водитель дернулся с места.

Глава третья. Имеем по закону

Мы ехали. Я считала ударами головы о крышу каждый кирпич на дороге. Охранник повернулся, обращаясь к гному Корлеоне.

– Хозяин, по поводу помещения! У нас здание есть. А то мы его продаем-продаем, а никто не покупать не хочет!

– Хорошая мысль! – задумался гном Корлеоне, что-то подсчитывая в уме. – Разворачивайтесь! Мы едем смотреть будущую Адвокатскую Контору. Сына только домой отвезите. Я с ним потом поговорю.

Машины остановились, охранник вышел и что-то сказал водителю второй машины, потом сел. Я, воспользовавшись передышкой, потеряла шишку на лбу.

Мы свернули в какой-то проулок, проезжая мимо роскошного ресторана, название которого я не успела прочитать. Потом миновали кинотеатр, в котором шел сеанс фильма «Я и мой малыш». На афише был нарисован унылый гном, смотрящий куда-то вниз. Рядом была афиша выступления какой-то эльфийки в роскошном боа, которая зазывно облизывала микрофон. Мы пересекли улицу, слыша, как нам кто-то сигналил. Потом свернули в еще один проулок, тормознув у здания, вход в который украшали две обнаженные статуи женского пола, как бы придерживая огромный балкон. Рядом со зданием горели красные фонари, а на окнах были алые шторы.

– Вот то здание, которое я вам выделяю вместе с половиной оговоренной суммы, – заметил мистер Валжебл. – Располагайтесь. Можете жить в любой из комнат. Думаю, что от клиентов у вас отбоя не будет... Место очень проходное.

Я вышла из машины, глядя на огромную вывеску: «Бордель». Мне в руки бросили ключ и выписали чек. В этот момент я просто обязана проснуться. В последний раз, когда мне снилась премия, я проснулась с дебильной улыбкой под звон будильника. А просыпаться так не хотелось. Еще бы наконец-то у меня в кошелке шуршит не только фантик от конфеты, но и свежие, выплунутые банкоматом, купюры!

Ну вот сейчас в проснусь... Проснусь... Так, ладно, пока я сплю, можно и заглянуть внутрь.

Я смотрела на истертые в стратегических местах статуи женского пола, понимая, что любви хотелось всем, а денег хватило не у всех. Особенно поражал некий мачо, проковырявший дырку сзади правой красавицы. Это ж надо какой упрямый и темпераментный мужик!

Ключ повернулся в замке. Я попала в обитель похоти и разврата, о чем свидетельствовал вульгарный интерьер. Алые, протертые кресла, стол, предназначение которого я могу представить очень смутно, картины на стенах, где девушки отдавали честь, а мужчины не роняли достоинство, – вот тебе и будущая обитель Фемиды. Не удивляйтесь, почему у нее закрыты глаза. Обнаженная женская статуя возле входа, держала на вытянутой руке тот фрагмент мужчины, с которым мужчины расстаются исключительно посмертно. В другой ее руке был меч.

– Да-а-а, – протянула я, поднимаясь по лестнице вверх и видя открытые двери комнат, в которых размещались продавленные койки. Одна комната была побогаче, и явно напрашивалась в Инстаграм. Вот здесь и обоснуюсь.

На столике лежала черная кружевная повязка, несколько приспособлений. Если я буду так допрашивать подозреваемых, то, боюсь, что раскрываемость повысится в разы.

Я вздохнула, сгребла повязку, спустилась вниз и нацепила ее на глаза кровожадной статуи с мечом. Никогда еще Фемида не была столь справедливой, сжимая в руках то, что стоит отрезать некоторым подозреваемым.

Она как бы показывает, что справедливость восторжествует. Так сказать, успешный адвокат вырвет невинного из лап правосудия. И покараем виновного, в меру адвокатской распушенности.

Я закрыла дверь, вышла на оживленную улицу, осматриваясь по сторонам. Недалеко размещался «Банк Дракон», в который я и направилась с чеком.

Если честно, то я даже передумала просыпаться. И если прямо сейчас зазвонит этот чертов будильник, то я лично выброшу его в окно, и лягу досматривать сон, в котором у меня...

– Возьмите... Три тысячи золотых, – сухо произнесла молодая эльфийка, отдавая мне звенящий мешок. – Может, вам охрану приставить?

– А охрана точно не преставится? – поинтересовалась я, понимая, что читать на ночь литнет – не самая лучшая идея. А то скоро за мной некроманты с нефритовыми жезлами будут гоняться. Под жалобные стоны в магических академиях. Еще бы уже на на третьей книге ректора стерлись об учениц. Я удивляюсь, как половина Академии не ходит на раскорячку, зная, что где-то в кабинете опять заскучал одинокий ректор.

– У нас хорошая орочья охрана! Сейчас позовем! – мило улыбнулся ушастый комплекс моей женской неполноценности.

В коридор вывалился огромный зеленый мужик в униформе, глядя на меня сверху вниз.

– Сопроводите даму! – улыбнулась эльфийка, строя глазки орку. Мне кажется, или откредититься надо?

Я вышла на улицу, поглядывая по сторонам и прижимая к груди заветный мешочек. Сон, а сон! Ты не вздумай прерываться! У меня тут зарплата всей прокуратуры, считая взятки.

Я трепетно сжимала мешок в руках, мысленно умоляя будильник дать мне возможность насладиться первыми заработанными деньгами. За мной суровой тенью следовал зеленый товарищ, молча нависая над моей чахлой тушкой. Мне кажется, или бояться нужно не грабителей, а его?

При виде моей конторы зелененький заметно оживился.

– Хорошее место! – глубокомысленно заметил он. – Я к тебе по пятницам приходить! В субботу я не приходить, потому что ты будешь отходить!

– Спасибо, до свидания, – я закрыла дверь, прощаясь с охраной. Итак, с чего начнем?

Через три часа я любовалась новой вывеской.

«Адвокатский Бордель. Поимеем всех и со всех!». Я сделала небольшую перестановочку. Теперь можно принимать клиентов.

В дверь раздался стук, заставивший меня встрепенуться. Ответа дожидаться никто не стал. Дверь открылась, а в нее просунулась мужская голова с волосами синего цвета.

– А кто сегодня из девочек дежурит? – поинтересовался красивый мужик, явно переборщивший с синькой.

Гость осторожно зашел внутрь.

– Фемида, – буркнула я, глядя на вполне солидную одежду. – Оказываем юридические услуги. Чем вам помочь?

– О! А мне как раз нужен был хороший юрист! – обрадовался он, подсаживаясь ко мне в кресло. – Я – инкуб... У меня есть эм... проблемка... с алиментами...

– И сколько накапало? – поинтересовалась я, мечтая на всякий случай обзавестись местным уголовным кодексом. В рамках самообороны.

– Сто сорок восемь, – грустно потупился отец-героин.

– Золотых? – уточнила я, складывая руки на столе.

– Детей накапало. Сто сорок восемь, – на меня посмотрели грустным взглядом. – Сто сорок девятый на подходе... Со дня на день...

– А где у вас тут сигареты купить можно. Мне очень надо! – занервничала я, глядя на почетного отца.

Тот совсем поник. Процесс изготовления он любил. А вот результаты не очень.

– И сколько вы готовы платить мне? – на всякий случай уточнила я, изучая потенциального клиента. – Мне нужен аванс!

– Я готов отдать натурой! – сладко предложили мне, заглядывая в глаза.

– Погодите, – заинтересовалась я. – Это как? Если это – аванс, вы на половину там будете? Так сказать, не до конца? Или пять минут, а потом штаны натянете и сообщите, что это была предоплата. Оставшиеся пять минут будут после заседания? Вы как это вообще видите? Учтите, я – юрист. Алименты для себя я стрясу с вас в первую очередь. И поверьте, все мои последующие дети, будут считаться вашими по умолчанию.

– Сердца у вас нет, – вздохнул инкуб. – А где здесь поблизости есть бордель? Не знаете? Жаль... Хорошее было местечко... Жаль, что все залетели... Я не хотел...

Через минуту, я вытащила его на улицу. Вежливо, оставляя отпечаток ноги на филиале чужого мозга, я попросила больше меня не тревожить. Добро пожаловать, в адвокаты!

В расстроенных чувствах я сбегала в соседний магазин за сигаретами и едой. На один золотой дали целых восемнадцать блоков. Такое чувство, что я не скурвлюсь, так скурюсь. Я лично убьют того, кто заставит меня оторвать голову от подушки. Да ради такого, я готова валяться в коме. Я заботилась о государстве? Теперь их очередь!

Возле моего борделя шаталась пьяная компания человеческой наружности.

– Ик! А кого можно поиметь за эти деньги? – мне ткнули в лицо какие-то медяки.

– Бюрократическую машину! – строго ответила я, глядя на кровно нажитые. – Но, скорее, не поиметь. Это больше... на петтинг похоже... Так, потрогать за интимные места.

– А если мы добавим? – икнула компания, пока один придерживал другого. Самый пьяный пошарил по карманам, вытаскивая пуговицу и еще три монетки.

– За такие деньги, можно поиметь только друг друга. Вот здесь, не отходя от кассы, – я попыталась протиснуться к двери.

В моей голове была идея шикарной рекламы, а в руках хлебушек, колбаса и молоко. Пока я молча объявила обеденный перерыв, отгрызая кусок очень вкусной колбасы и заедая его хлебушком, в дверь раздался стук. Били сильно, и, возможно даже, ногами.

– Фто?!!! – возмутилась я, глядя на крошки на столе и наброски будущей рекламной компании нескромных юридических услуг.

Надо же как-то выделяться среди конкурентов? Нужно, кстати, внимательно изучить рынок. И прикупить уголовный кодекс. Может, дать рекламу в какой-нибудь газете...

Я рванула на себя дверь, глядя, как пошатнулся пьяный мужской коллектив, падая к моим ногам. С одного слетели штаны.

– Кому деньги отдать? – ко мне протянулась рука с монетами. – Нам понравилось!

– Приходите еще, всегда рады! В следующий раз можете оставлять деньги под дверь! Я рада, что вам понравился наш сервис! – улыбнулась я, сгребая деньги и глядя на расстегнутые ремни.

Я осторожно закрыла дверь. Приземлившись в кресло и жуя бутерброд, я карандашом вносила дополнительные услуги в будущее объявление.

В дверь снова постучали.

– Все ушли в роддом! – огрызнулась я, сыто закуривая и разваливаясь в вычурном кресле. Дверь открылась, а на пороге появился мужчина.

– Я же сказала! Иметь друг-друга за статуями, деньги под дверь! – я выдохнула облако серого дыма.

– Буду иметь в виду! – усмехнулся мужик, поворачиваясь ко мне лицом. Он был по-своему красив. Я бы даже сказала, что очень интересен. Темные волосы, идеально зализаны назад. И глаза. Синие-синие...

– Я так понимаю, что все ушли в роддом, а вас не взяли! Какая несправедливость!

– Если вы принесли алименты, то положите их на столик. Я передам! – улыбнулась я.

– Адвокатский бордель. Это – что-то новенькое. И чем же вы занимаетесь? – поинтересовался гость, нахально улыбаясь и присаживаясь в кресло.

– Имеем по закону! Доминирование над статьями уголовного кодекса, законодательный strapon за клевету, мастурбация с исками, выезд адвоката по вызову, оральный секс в зале суда. Поверьте, орать я умею. Имитирую оргазм присяжных. Петтинг дел за отдельную плату. Что из этого вас интересует?

– Я тебя прикрою! – заметил мужик, достав какую-то корочку и тут же захлопнув ее.

Глава четвертая. Ордер на арест

– Дайте ваш номер! Когда в меня будут стрелять, я вам обязательно позвоню! Так что не удивляйтесь, если посреди ночи услышите в трубке: «Прикрой меня!», – я выпустила ему в лицо струю дыма.

– Значит, закрою! – снова с улыбкой ответил мужик, глядя на меня синими глазами.

– О, а это уже подвиг! Я сообщу вашей вдове и оплачу скромный некролог! – я затащила сигаретой, а потом потушила о его запонку. И все это с милой улыбкой.

– А если я вас посажу? – усмехнулся мужик, снова глядя на меня. Черт, он симпатичный.

– Тогда придется поливать, иначе буду плохо расти! – вздохнула я.

На всякий случай я прикинула. Прикрыть меня на законных основаниях гипотетической возможности нет.

– Я достаточно вежливо выразилась? Моя деятельность целиком законна.

Гость посмотрел на мою Фемиду, которая как бы намекала.

– А вы знаете, что оказываете сопротивление представителю органов порядка? – усмехнулся мужик, снова глядя по сторонам.

– А вы держите свой орган при себе. А то непорядок! Не надо мне тут органами угрожать и тыкать! Тоже мне, нашли бордель, – дерзко заявила я.

Вот что с людьми делает хорошая крыша.

Я достала вторую сигарету. Чиркнула спичкой, подкурила и потушила ее в воздухе. Как бы изгоняя дымком всякую нечисть.

– И где же ваш диплом? Что же вы кончали? – мужик откинулся в кресле и пробежал пальцами по столу.

Он вел себя очень по-хозяйски.

– Ой, там, где я кончала, вы учились, – ядовито заметила я.

Мужик нагло улыбнулся. А потом просто встал и вышел, но не из себя, а из моей скромной конторы с нескромными услугами.

Остановившись в дверях, он подарил мне гадкую и мерзкую улыбку.

– Прелестно, – согласилась я, провожая его взглядом.

Я немного посидела. Потом поняла, что нужно работать. Те, клиенты, которые помнят сюда дорожку, меня не устраивают!

Я вышла на улицу, закрыла дверь и отправилась по ближайшим магазинам.

Какой-то малец с бородкой протянул мне газету за три медяка.

Я тут же развернула ее. Криминальная хроника. «Полицейские рейды по борделям! Накрыли пять злачных мест». Отлично, накрыли! Мелкой черепицей или крупной? Дымоход прочистили? Молодцы!

Ага, тут кого-то убили... На почве ревности, политой слезами измены, ревнивый супруг завалил свою супругу и ее пятерых любовников, с которыми ее застукал. Спасибо, ребята! Освободили генофонд. Пять мужиков, которые не смогли справиться с одним – это просто напрасная трата времени для женщины! А вот девушку жалко.

Так, что у нас тут дальше? Похищен бриллиант, стоимостью в сто тысяч золотых. Преступники так и не найдены! Ау, ребята! Отзовитесь! Что вы стесняетесь? Или вы как в дешевых фильмах спрятались в соседнем лесу и пилите добычу ржавой пилой?

Что у нас тут еще интересненькое? Пожилая леди завалила грабителя. Не на ту напали! Хотя, нет, подождите! Она завалила их на кровать и удерживала всеми силами до приезда полиции. Подавать заявление она категорически отказалась, требуя отдать грабителя ей на поруки! Каждый устраивает личную жизнь, как умеет.

Полиция задержала известную эльфийскую певицу Лориэль. Задержка певицы объяснена тем, что она находилась в нетрезвом виде. Воспользовались, так, нетрезвым состоянием! А теперь у нее задержка!

О! Конкуренты! Адвокатское бюро «Искжеликс и сыновья» защитит вас от произвола. Адвокатская контора «Чем дальше в лес». Да ну ее нафиг!

Смотрим дальше.

Есть еще сорок один практикующий юрист, у которых не хватило денег даже не приличную рамочку в объявлении.

Я увидела шашечки такси, оставила его взмахом и потребовала довезти меня до адреса редакции газеты.

Расплатившись с маленьким гномом, который сидел на маленьком сидении, похожим на детское, я хлопнула дверь.

Пройдя несколько метров, я увидела магазин: «Гномьи сидения для обычных машин», миновала книжный и попала в оплот свежих сплетен, пахнущий свежей типографской краской.

– Я хотела бы подать объявление. Текст сейчас напишу! – улыбнулась я, показывая деньги.

Мадемуазель, идеально смотревшуюся в подранном многочисленными кошками интерьере, мои деньги заметно расшевелили.

Через минуту суровая барышня, возрастом, неумолимо подбирающимся к пенсии, скривилась, побледнела и швырнула мне в лицо листок.

– Мы не станем такое размещать на страницах нашей газеты! Ни за какие деньги! – ответила она.

Я грустно посмотрела на свое «Поимеем по закону», развернулась и обиженно ушла.

Ничего, будет и на моей улице праздник, когда закончится туалетная бумага!

Я шла мимо и заглянула в типографию, проверяя в кармане коробок спичек.

– А сколько стоит реклама на спичках? – поинтересовалась я, показывая блестящий залог успешной рекламной компании. Через полчаса мне вынесли новый спичечный коробок с моими координатами.

– Мы адрес указали, – почему-то смутились работники типографии. – А вы бы указали свой телефон!

– Вы что? Хотите, чтобы я разорилась? – удивилась я. – Вы думаете, что я буду часами консультировать по телефону? О, нет! Только лично! Кстати, а есть у вас уголовный кодекс? И все остальные кодексы? Покупаю все!

Пока я мысленно прикидывала, как утащу огромные талмуды, мне вынесли три книжечки.

Первая могла соперничать в количестве страниц с «Колобоком». Вторая идеально подходила для запугивания комара, не беря на себя грех его убийства. А третью даже под стол не подложишь!

– Сколько страниц в уголовном кодексе? – заорала я, листая «Колобка». – Десять страниц??? Все десять? Это что за пособие по моральной инвалидности? Это что за руководство «украл, выпил, тюрьма»?

На первой странице были перечислены деяния на пожизненное заключение. На ее обороте на срок заключения на 30 лет. И так далее. Последняя страница – формула вычета штрафов.

Я поняла, что многие очень стесняются быть юристами. Выучить наизусть десять страниц – это достижение не для слабонервных.

Я возвращалась домой в такси. В кармане телепались образцы моей визитки.

Поле для творчества было не то, чтобы не пахано и не сеяно! А даже как следует не удобрено!

Такси тормознуло возле знакомого переулка. Я спокойно вышла, чувствуя как за время поездки выучила все местное законодательство и законовзятельство.

На пороге стоял тот самый тип, глядя на меня с очаровательной улыбкой мерзавца. От таких улыбок в женской душе начинают цвести и пахнуть мужские носки, разбросанные по полу, одежда, сорванная в порыве страсти и так далее...

– Вы задержаны, до выяснения обстоятельств вашей личной жизни! – усмехнулся тип, глядя на меня равнодушными глазами обаятельного подонка.

– Это что? Допрос? – поинтересовалась я, понимая, что женское одиночество начинает подталкивать меня к приключениям.

– Будет называть его так. Думаю, что алкоголь немножко развяжет ваш язык, – усмехнулись мне.

– Боюсь, что алкоголь развяжет не только язык. Так что идея не самая лучшая, – улыбнулась я, понимая, что этот подонек мне чем-то нравится. – Я так понимаю, мы слегка коллеги. Не могли бы уточнить, под какую статью вы собираетесь меня подвести? Дебош, пьянство, нарушение порядка или изнасилование?

– Мне нравится ваш юридический подход, – усмехнулся гость. Моя женская самооценка срочно требовала вливания комплиментов. Пусть на один вечер.

– А мне кажется, что в нем есть какой-то юридический подвох, – ответила я с задумчивой улыбкой. А что? Почему бы и нет? Почему бы не почесать женское тщеславие об эту обаятельную улыбку мерзавца?

Тем более, что на свидания я давно не ходила. Есть мужчины для свиданий, а есть мужчины «до свидания!». Я посмотрела на его одежду, задумчиво подкуривая. Потом вздохнула и потом вручила ему коробок со спичками, открывая дверь.

– О, нет, – заметила я, закрывая ее перед его носом и гадко улыбаясь. – Я вас к себе не приглашала...

– А если у меня ордер? – усмехнулся он, дергая дверь и вырывая ручку из моих рук. – На обыск?

– Если ваш ордер меньше семнадцати сантиметров, то жду вас с решением суда. И заключением с профосмотра, – язвительно заметила я.

Несмотря на мои протесты, гость уже вошел, закрывая за собой дверь.

– Я поражаюсь, какой милая у вас обитель юридического разврата. Я так понимаю, что признаются все, – усмехнулся мерзавец, снова глядя на мою Фемиду.

– А кто-то даже и в любви, – я закурила, почему-то сгребая бумаги со стола.

К моему удивлению столе появляются два бокала и внушительная бутылка.

– Я так понимаю, что тут хотите нарушить уголовный кодекс? Распитие спиртных напитков в общественных местах карается по закону? – заметила я, понимая, что хочу провалиться в этой чертовой коме до конца своих дней.

– А у нас нет такого закона. Я бы спросил у вас ваши документы, но, думаю, что этот вопрос мы отложим... – заявил мерзавец, делая глоток. – Или я вынужден буду задержать вас. До выяснения личности.

Я попробовала вино, отметив, что недурственное. Потом поставила бокал на стол, глядя, как гость достает сигарету. Я тоже достала сигарету. Мне тут же галантно поднесли красивую зажигалку.

– Мне вот интересно, какой следующий закон вы собираетесь нарушить? – поинтересовалась я.

Гость смеялся, пуская серые клубы дыма и делая глоток из бокала.

– Возможно – личный обыск, – усмехнулся мерзавец, положив мне руку на колено и скользя по нему вверх. – Вам придется подчиниться.

– А на каком основании? – заметила я, осторожно скидывая его руку и одаривая его улыбкой.

– На основании того, что вы самый красивый юрист в этом городе! – рассмеялся мерзавец, пододвигаясь все ближе.

– То есть гномы вас не устраивают. Жаль, – рассмеялась я.

Я уже чувствовала, как вино заставляет чаще улыбаться и замечать меньше наглости.

– Я вижу, что попала в цепкие лапы правосудия.

– Даже не сомневайтесь, – меня перетащили себе на колени, осторожно туша свою сигарету. – Мы сейчас будем выяснять вашу личность.

– А вашу выяснить никак не получится? – осведомилась я, чувствуя, как меня обнимают. Я потянула его за галстук, а потом потушила окурок об его запонку.

– Я думаю, что однажды, мы встретимся. Если вы будете хорошо работать, – многообещающе заметили мне, приближаясь ко мне губами. Я чувствовала сладковатый запах хорошего табака, а потом узнала и вкус, даря ему холодный поцелуй – насмешку.

Глава пятая. Изнасилование в особо крупных...

– Вы только что заработали себе десять лет за не содействие следствию! – меня снова поцеловали, пытаюсь убедиться в том, что развязать можно любой язык.

Целовался он сладко. Мне безумно нравилось, как он это делает. Поэтому я решила не церемониться и снова подтащила его за галстук. Какой офигительный сон! Если что, будучи коматозницей, я могу спокойно играть в сериалах! Зарабатывать, приличные деньги, не вставая с постели.

Стану знаменитой актрисой, получу Оскаром по голове. Рядом будет плакать Ди Каприо, целуя второй Оскар в своей жизни. Какая-нибудь добрая душа поднимет мою бессильную руку и помашет ею, как бы намекая, что я очень всем благодарна...

– Как ты смеешь – прошипела я, делая из его галстука удавку.

Я посмотрела на его улыбку. И впиалась в его губы. Не каждый день одинокой женщине снятся приятные и неприличные сны!

А то все про работу, про работу.

Как говорила моя коллега, еще немного, и я буду присматриваться к маньякам. А вдруг? Надо же как-то устраивать личную жизнь?

Я чувствовала, как рука гостя скользит по моей груди, расстегивая рубашку.

– А вот это уже незаконный обыск, – усмехнулась я, снимая с него галстук.

Галстук полетел на пол.

– Нет такой статьи в уголовном кодексе, – ответили мне, извлекая из бюстгальтера мою грудь и целуя ее. Поочередно. Хм... Левую обидели. Ее поцеловали на один раз меньше.

– Я вот думаю, на что потянет ваше преступление? На особо тяжкое? – я закусила губу, чувствуя, как его язык скользит по моей коже.

Моя рука пытается нащупать орудие убийства в его штанах.

– Между прочим, за изнасилование дают до десяти лет. И вот сейчас пытаюсь выяснить, в особо крупном размере или нет? – улыбнулась я.

– Вы пытаетесь меня привлечь за изнасилование? – спросил гость.

– Да нет, для себя прикидываю, – ответила я.

Я бессовестно расстегивала его штаны, глядя в синие глаза. Ну-ну... Все-таки в особо крупном размере.

Я запустила в чужие штаны руку, понимая, что иметь такое орудие убийства для мужчины – настоящее преступление против женщин.

Меня попытались опустить на колени, но я не позволила, осторожно растирая рукой улику.

– Может, найдем место поудобнее? – предложил мерзавец из моего чудесного сна.

Я уже села на стол, глядя, как гость встает, наклоняется и начинает целовать меня долгим и страстным поцелуем. От которого тут же хотелось сдаться с поличным.

– Это взятка? – прошептала я, чувствуя, как он скользит пальцами между моих ног. Каждое его движение заставляло меня выгибаться от сладкого нарастающего напряжения.

– Нет, – усмехнулся гость.

Он опустил на колено и провёл языком по мне, заставляя обхватить его голову руками.

– Вот это... взятка...

Я понимаю, что взятки – сладки, но за такую взятку можно было бы и дать ... шанс...

Я вздрагивала, чувствуя, как его пальцы медленно, словно дразня, входят в меня. Его язык безошибочно нашел ту самую точку, от прикосновений к которой захотелось написать чистосердечное признание.

Я чувствовала, как он резко входит пальцами в меня, заставив меня простонать.

Нет, это был не тот самый случай, когда во время процесса лежишь себе и думаешь: «Какое небо голубое!». А по тебе ползает слепая улитка. Ползает в надежде, что ты просто радуешься от самого факта процесса. Мол, смотри, дорогая, как я тут стараюсь! Весь язык об тебя счесал. Тешишь, так сказать, свое женское самолюбие.

Обычно мужская голова между моих колен напоминала мне о чем-то несчастном детстве. Леденцы на картинке, мороженое на витрине, и примёрзший к качели язык – навсегда отбивали охоту будущему мужчине доставлять женщинам удовольствие.

– Ах, – простонала я, кусая губы и чувствуя, как в меня грубым рывком входят чужие пальцы.

Я положила ему руку на плечо, слегка подаваясь навстречу его грубоватым ласкам.

– О, нет, – усмехнулся он, поднимаясь и обнимая меня.

Я чувствовала, что меня дразнят. Но не входят. При этом вода напряженной уликой вверх вниз.

– Напомни мне, – усмехнулась я, беря его за гладко выбритое лицо. – Сколько дают за убийство? С отягчающими обстоятельствами?

– Не убьешь, не узнаешь, – усмехнулся он, целуя меня. Ну не мерзавец ли?

– Я вот думаю, когда наружный орган, превратиться во внутренний? – гадко улыбнулась я.

Через мгновение гость вошел в меня, заставив простонать от сладкого томления. Я выгнулась и вцепилась в чужие плечи. Легкое поддразнивание завершилось грубыми страстными толчками.

Я раскинула ноги, понимая, что мужик, у которого руки растут из задницы, очень даже интересен, как любовник. Но крайне уныл, как супруг.

Резкие толчки заставили меня вцепиться в чужую одежду, кусать губы и откидывать голову.

Еще немного и убью его своими руками! Как же я этого хотела... Как давно об этом мечтала. Темп все убыстрялся, заставляя меня яростно глотать воздух.

Через мгновение я кричала, кусая губы и чувствуя тот самый мучительный до дрожи спазм. Тот самый, от которого хочется раствориться и распасться на молекулы.

– Все, я пошел, – послышался насмешливый голос, увенчавшийся «чмоком» в щеку. – Держи цветок. Приятного вечера! А! Уже доброй ночи!

Он спокойно заправился, посмотрел на часы, застегнулся, поправил манжет рубашки и подарил мне ту самую мерзкую улыбку.

О! Мои праздничные трусы все-такигодились!

Дверь за мерзавцем захлопнулась. Я подняла с пола это кружевное безобразие цвета огнетушителя.

Я недавно приобрела по совету очень одиноких женщин, которым мужики обламываются раз в пятилетку. Дескать, примета такая. Наденешь красные трусы придут либо мужики. Либо месячные. Иногда они приходят одновременно. Тут главное – не перестараться!

– Не смотри на меня! – я бросила взгляд на Фемиду, которая сделала вид, что ничего не видела под кружевной повязкой. – Я кому сказала! Ни стыда! Ни совести!

Я закрыла дверь и поднялась в выбранную комнату.

Задумчивым взглядом я внимательно изучала свое растрепанное отражение. Рабочий день было окончен.

– Вот что ты смотришь на меня, как на проститутку? – пристала я к своему отражению. – Вот не надо на меня так смотреть! У нас, между прочим, восемь месяцев мужика не было! Ни во сне, ни наяву!

Я разделась и приняла ванну, которую предварительно мыла своими руками.

Кран в виде фаллоса меня слегка порадовал. Стоило опустить его вниз, как водичка прекращалась. Но стоило дернуть вверх, как тут же начиналась. Интересно, если я вдруг, буду звонить по поводу воды «на полшестого», меня сразу поймут? Или все-таки придется называть адрес?

– И вот что ты мне хочешь сказать? – я протерла трусами запотевшее зеркало, развешивая по плечам мокрые волосы.

Мое отражение смотрело на меня уставшими глазами.

– Ты же сама знаешь, что еще немного и фраза в протоколе: «Совершил в отношении потерпевшей действия насильственного характера», будет вызывать не ту реакцию, которая должна быть у следователя. И даже не сочувствие. А зависть! Зависть! Пора уже было! Пора!

Мое отражение соглашалось со мной.

– А то в последнем протоколе мы с дебильной улыбкой писали слово «раздел». И слово «имущества» мы как-то не учитывали! Еще немного и возбудимся, как уголовное дело, при виде симпатичного свидетеля, который к слову женат и имеет пять детей! – продолжала я.

Я плюхнулась на мягкую кровать, понимая, что чертовски устала. Даже во сне. Одиночество палкой отгоняло совесть.

– С кем мы хоть спали? – поинтересовалась почти забитая красными трусами совесть. – Хоть бы имя спросила!

Я вертелась, укрываясь одеялом и пряча голову под подушкой.

– Совесть! Отвали, а? Будь другом? – возмущалась я.

– А приличные девушки на первом свидании не целуются! – заметила совесть.

– Хоть бы только это тебя смутило! – злобно отмахнулась я. – Я – одинокая женщина. Имею полное право! И лево! Мы трусы, между прочим, специально для корпоратива покупали. В надежде, что нам хоть что-нибудь обломиться от симпатичного начальства. Так что отстань!

Я уснула, понимая, что мое приключение во сне – это хоть что-то. А «что-то» – лучше, чем ничего.

Разбудил меня стук в дверь. Настойчивый и требовательный, он заставил резко подняться и одеться со скоростью горящей спички.

– Не может быть! – я сонно и подозрительно осмотрелась по сторонам, не видя обоев в просроченный горошек.

Не было и древней прикроватной тумбочки, помнящей, как на ней стояли одеколон «Красная Москва» и духи «Ландыш». Куда-то подевалась старенькая кровать, которая была создана еще в те времена и в той стране, в которой сексом и не пахло. Поэтому это скрипучее чудовище безбожно оповещала всех соседей о попытках заняться запрещенным действием.

Зато вокруг были алые обои и целая галерея – овощной ряд. От скромной девушки с персиками, до развратной дамочки с арбузами. От мальчика со стручком до мужика с кабачком.

– Беда-а-а, – тяжело вздохнула я, протирая лицо руками.

Совесть дочитывала лекцию про скромность. Скромность молчала, не подавая признаков жизни. Либо она была настолько скромна, либо мы ее случайно потеряли на суровом жизненном пути.

– Караул.... Это – не сон! Совсем не сон! Во сне спать нельзя, – насторожилась я.

В комнате со вчерашнего ничего не поменялось. Осознание, что это таки на самом деле заставляло меня натягивать одеяло на нос.

Дедуктивный и индуктивный методы пытались понять, как меня угораздило. Не знаю, что больше всего меня радовало? То, куда я попала или то, что вчера творила?

– Как же мне ... хм... стыдненько... Настолько стыдненько, что искренне надеюсь, что больше никогда его не увижу, – терзалась я, кусая губы.

Нет, я не жестокая. Просто мне стыдненько. Я же была уверена, что это просто классный сон. Если это не сон, то тогда что это?

– Просто отошел за уголок, а там сразу и кирпич, и балкон и дядя с пистолетом. А в утренней газетке пепел и некролог. А то мы вчера так гостеприимно открылись, что прямо неловко получилось, – продолжала убивать я буйную совесть.

В отвратительнейшем из всех настроений, я сбежала по ступенькам. Стук не прекращался!

Я посмотрела в глазок. Никого не было. Странно. Никого нет, но кто-то стучит!

И тут я увидела глазок пониже, наклоняясь и ...

– Господин Валжебл попросил передать вам ваши новые документы! – конспиративным голосом произнес гном, едва ли не прижимаясь бородатым лицом к глазку.

Дверь я все-таки открыла.

Мне учтиво подали конверт и удалились. Нет, все-таки не сон. Бутылка на столе, два бокала, один из которых недобит и мой бюстгальтер на статуе. Полный натюрморт, так сказать.

– Да не ну нафиг, – сглотнула я.

Безрукая статуя решила поддержать мой лифчик. Правда статуя была мужского пола. Рук у нее не было совсем. А то, что выпирало не стоит показывать детям до совершеннолетия.

В этот момент совесть требовала включить режим Клеопатры. Она наивно надеялась, что кто-то унесет тайну в могилу, и, желательно, глубоко.

Развернув бумаги, я достала какую-то книжку, похожую на паспорт.

Я открыла «паспорт», посмотрела туда, потом подняла глаза на Фемиду, молча завидуя ей.

Еще разок!

Я снова опустила глаза, разминая сонный речевой аппарат.

– Ма-мэ-ми-мо-му-у-у! – разрабатывала я губы.

Я честно пыталась прочитать написанное. Но не осилила. Поэтому с мольбой посмотрела на Фемиду, требуя справедливости!

«Бимбермортилиса Риктушлер дочь Ярпершипа» – медленно по слогам прочитала я.

И снова подняла глаза на Фемиду в кружевной повязке и попирающей чье-то достоинство.

Язык срочно требовал моральной компенсации. И травматолога. Я сглотнула.

– Бим... бер... морт, – медленно и по слогам произнесла я, представляя, как выносят труп паспортистки. – Еще разочек! Бим... Бер... Морт...

Я пыталась продраťся через логопедический хоррор.

– Внимание! – цыкнула я зубом, чувствуя себя гладиатором. – Идущие на вывих челюсти приветствуют вас! Тихо-тихо... Бим... бер... морт...

Вот как это выговорить? Я сложила губки бантиком. Потом растянула из в улыбке. И поворачивала хоботочком губ в разные стороны.

– Я – тот кого нельзя называть! Лорд Бимберморт! – грозно заявила я.

Вот хотя бы здесь суровая фантазия должна была меня тормознуть, но нет!

– Бим... бер... морт... и ... лиса! – я чувствовала себя скалолазом, покорившем Эверест. Я мысленно вбивала флажок в задницу того, чья фантазия породила сей шедевр.

– С фамилией проще! – обнадежила я себя. – Рик-ту-шлер!

Есть в ней какой-то оттенок французского. Прямо мадам Риктушлер, вам не мешает торшер? О, мон шер, мадам Риктушлер! Да с такой фамилией можно духи выпускать! А вот с отчеством будет посложнее.

Через полчаса я могла сносно, но медленно, задумчиво и с нервным прищуром произносить свои реквизиты.

– Здравствуйте! Меня зовут Бимбермортилиса Ярпершиповна Риктушлер! – улыбнулась я, представляя, как падает любой чиновник и бьется в конвульсиях протоколист.

Дата рождения порадовала меня настолько, что я перестала думать о секундах свысока.

Я даже снизу боялась на них смотреть!

Фраза «сто лет в обед» перестала быть образной лишь потому, что теперь я могу спокойно посмотреть на кого угодно. А потом ленивым голосом черепахи Тортиллы вздохнуть: «Я сама была такую триста лет тому назад...».

Из конверта выпала свернутая в несколько раз бумага.

– Ваша биография, – прочитала я, чувствуя неподдельный интерес. – Вы родились в северном районе Шикаго такого-то числа.... Любовница господина Риктушлера Тайриэль Зеленый Лист забеременела, а потом родила вас. Как истинный гном, он забрал вас к себе...

Все! Можно не брить ноги! У меня отец – гном! Его борода равномерно размазалась по моим ногам! Если что я готова предьявить!

– Уточнение. Я не имею влияния на человеческий и эльфийский сектор, поэтому постарался сделать вам биографию, к которой не прокопается ни один следователь. В данный момент все мертвы, поэтому будьте спокойны. Господина Риктушлера я знал лично. Очень достойный гном, – прочла я.

Где-то у меня была мама – эльфийка. И она срочно требовала брить ноги! Вот кого я слушаю? Маму или папу?

– Продолжим, – торжественно выдохнула я. – После смерти Риктушлера вас отдали в добропорядочную гномью семью.

Меня усыновили гномики! Какая прелесть!

–... добропорядочную гномью семью Ярпершип и Пуншпершип, – сглотнула я, понимая, чем занималась двести лет. – И вы сразу назвали их мама и папа.

Еще бы! Тут любой предпочтет маму и папу! Если бы я не знала своего отчества, то пришлось бы кидать монетку, пытаясь понять, кто из них мама, а кто папа.

– Как полугном вы блестяще закончили Гномсворд по специальности «Право». По завещанию господина Риктушлера, оставившего вам приличную сумму денег, решили открыть свою контору. Уточнение. С Гномсвордом я договорился. Диплом – настоящий. В. – дочитала я биографию.

Итак, любовь местной Белоснежки и одного из гномиков закончился моими небритыми ногами. Все нормально! Где-то плачет дочь красавицы и чудовища, ломая об себя пятый бритвенный станок.

В дверь робко поскреблись. Я поймала себя на шальной и приятной для самооценки мысли, что это мог быть вчерашний мой позор.

Глава шестая. Адвокат в деле! Совесть в доле!

А вдруг тот таинственный незнакомец внезапно вспылал ко мне чувствами, намекающими на серьезные отношения? И сейчас мнется робким школьником с букетом цветов?

Увы. Мечты-мечты-мечты! Скорее всего, это кто-то из местной гномомафии.

– Кто там? – мрачно спросила я, опускаясь к нижнему глазку.

Первое, что я увидела – напряженную ширинку. Я поднялась к глазку повыше. На меня смотрел симпатичный мужик с ярко-синими волосами.

– Я к вам вчера приходил, – жалобно заметил голос. – Инкуб... По поводу алиментов. Вчера приходили приставы. Я чуть не преставился! У меня отобрали все, поэтому умоляю вас... Посмотрите, а? Я принес все документы, которые нашел!

Я открыла дверь. Мне тут же вывалили целую тонну макулатуры. Прямо «пыонер», берегущий лес.

– Это все протоколы по заседаниям... Я на них не являлся, но мне присылали их по почте, – робко заметил синеволосый, пока я усиленно соображала. – Могу расплатиться натурой!

Хм... Натурой? Я посмотрела на бардак в моем борделе и поняла, что нашла себе уборщика.

– Хорошо, натурой, так натурой! – я водрузила папки на стол. – Твоя задача – прибраться в офисе. За каждый день уборки я рассматриваю один протокол и пишу опротестование.

У меня фамилия Риктушлер, а не Иванова. Так что надо соответствовать!

На меня посмотрели так, словно тоже догадались об этом. Но выбора у почетного отца, у которого капает с конца, не было.

Инкуб послушно поплелся прибираться. Через двадцать минут созерцания очередного протокола, сверху послышался крик: «А женскую одежду выбрасывать?».

Я отложила дело столетней давности. Ребенок уже не только достиг совершеннолетия. Но и сам стал дедушкой, мечтающим получить прибавку к пенсии от законного отца – должника.

После вчерашнего ноги болели жутко. Поэтому я с трудом поднималась по лестнице.

– Вот, – предъявил инкуб.

В найденном шкафу висели красивые платья. Одно мне понравилось сразу. Красное, с красивым вырезом и юбкой до колен. Правильно! На заседаниях мужская часть присяжных целиком и полностью будет на моей стороне.

Обновка смотрелась очень красиво. На бирке было вышито «Синель». Порывшись еще немного в шкафу, я нашла какое-то меховое манто. Оно изящно прикрыло мои плечики.

Успешный адвокат должен выглядеть успешно!

– Тут недопитая бутылка «Бортини»! – обрадовался инкуб. – Можно я допью?

Я понимала, что это – никакой не сон. Но зато в этом «никаком не сне» я была богатой мадам в «Синель» со своим винным погребом.

Омрачал мой «не сон» лишь вчерашний инцидент. Но и он постепенно добивал упрямую совесть. Она уже слабо пищала и издавала предсмертные хрипы: «Как тебе не стыдно!».

Я услышала стук и спустилась вниз. В глазке виднелась заплаканная мадам со спичечным коробком в дрожащих руках.

Я впустила ее. Она посеменила на стульчик, глядя на меня взглядом серой мышки. Такое чувство, что жизнь ее тюкала по голове каждый день.

– Чем я могу вам помочь? – вежливо поинтересовалась я, оценивая ее платежеспособность.

– Муж мне изменяет! – горестно выдохнула мадам возраста определяемого с погрешностью лет в десять.

– Ай-я-яй! Какой он нехороший! Продолжайте! – посочувствовала я. Люблю разводы. Женская обида против мужской жадности. И наоборот.

– Уже десять лет он меняет любовниц, как перчатки. И плевать ему, что у нас пять очаровательных деток, которые каждый день спрашивают меня, где папа? – запричитала клиентка. И утерла слезу платочком.

Боже, как мило. Я прямо видела грушку под названием «Кобель», которую я трясусь на алименты.

– Не могу же сказать, что он снова у своей очередной эльфийской пришмандовки! Он даже кричал на меня! А как он пьет! Месяц из запоя не выходил, когда его любовница променяла на другого! Кто его из запоя выводил? Я! – повествование достигало своего апогея.

Накал соплей нарастал с каждым словом.

– А он мне что? А ничего! Снова любовницу нашел! Все деньги из семьи уходят на кабаки и девок! А недавно он проиграл огромную сумму. Потом вынес драгоценности моей покойной матушки, чтобы погасить долг! Дети голодают, а я не знаю, что делать! Это – конец! – разревелась клиентка.

Я тоже думала, что это – конец, но это было только начало! Я узнала много чего интересного. Супруг моется раз в неделю, терпеть не может домашнюю работу. Но вот к изготовлению детей питает неподдельный интерес.

Складывалось впечатление, что это исчадье брачного ада, женившееся на кротком агнце, заслуживает, если не смертной казни целиком, то хотя бы частично.

– Я так понимаю, – начала я.

И посмотрела на часы. После двадцати минут разговора о мужских недостатках конкретного экземпляра, любой мужик покажется ангелом!

Я перевела взгляд на насквозь промокший носовой платок клиентки.

– Вы хотите, чтобы я помогла вам развестись, и отсудила алименты? Я правильно вас понимаю?

– Какой развод?! – покрасневшие глаза клиентки округлились. – Сердца у вас нет! Могли бы и посочувствовать. Зря я к вам пришла! У меня была юрист, которая мне сочувствовала! А вы – бессердечная женщина!

«Бессердечная женщина» молча посмотрела, как за «страдалицей» закрылась дверь.

Увы, за сочувствие мне не платят!

– Я прибился! – подсел ко мне инкуб. Я лениво достала наугад одного из его «детей».

– Как вас зовут? – поинтересовалась я, не желая снова лезть в протоколы и искать имя.

Мой мозг медленно закипал и вытекал из ушей, после той чудовищной драмы чужой семейной жизни.

– Лэйтон Шмидт! – оживился инкуб, поглядывая на пачку «детей местного лейтенанта Шмидта».

– Ну вот! Отличный вариант! Вы тут даже что-то пытались платить до совершеннолетия. Конкретно этот ваш сыночек уже вполне трудоспособен. Зато вы у нас – официально безработный, больной, несчастный отец, – заметила я, глядя на документы.

Инкуб кивал. В его глазах светилась надежда.

– Он уже, скажем так, третью фотографию в паспорте разменял. На каком основании они это предъявляют? – подняла брови я.

– Я платил каждому ребенку до совершеннолетия, – вздохнул инкуб. – Я честно работал и платил. У меня вся зарплата уходила. Просто у них хороший юрист, который требует алименты на учебу. Этот ребенок уже сорок лет учиться. Заканчивает один университет, сразу поступает в другой. А мне снова приходит уведомление о том, что я должен оплачивать его учебу.

Я уже писала документ о том, что ребенок вправе получить не более двух высших образований.

Его несчастный заботливый папа потерял всякую трудоспособность. И настаивает на том, чтобы наш уже не юный, но явно профессор, взял на себя обязательства по содержанию престарелого, больного и безработного отца. И выплачивал ему алименты.

– Подавайте ответный иск, – улыбнулась я, вручая вознаграждение за труд. – А работать вы будете у меня. Неофициально. Мы даже должность вам придумаем. Менеджер по связи между пылью, веником и грязью.

В дверь постучали.

Да кого еще принесло?

Я подошла, долго выбирая глазок. Потом все-таки решила воспользоваться верхним. И не прогадала.

На пороге стояло красивейшее создание в деловом костюме, нервно переминаясь с ноги на ногу.

Дверь я открыла. Мне протянули на ладони коробок спичек.

– Я к юристу! Я возьму ее на пару часов! – заметил красавец, глядя на меня глазами поэта и показывая увесистую папку.

Я даже знаю, куда меня возьмут! О, это самое романтическое место. Вы только представьте! Горы бумаг, море проблем. Ветер шелестит протоколами. По небу плывут облачка «Только бы пронесло».

– Вы по какому делу? – поинтересовалась я. Побитая совесть искренне надеялась, что совмещать приятное с полезным клиент не собирается.

А то фраза, произнесенная чуть хриплым от сигарет голосом: «Я медленно снимаю показания! Ого! Какой большой у вас протокол! Я жду с нетерпением, когда вы войдете в курс дела! Тьфу!», меня уже смущала.

– Я – риелтор. И меня обвиняют в пропаже жильцов, – заметил эльф, присаживаясь в кресло и сгружая папку на стол. – Я закончит Эльфстон, и, пожалуй, единственный из семьи, кто не пошел в оркестр.

Альтернатива, так сказать, впечатляющая!

– Дела шли в гору, – продолжал эльф-риелтор. – Но тут подвернулся особняк тысячу квадратов. Интерьер в стиле эльфийский шик и гномий ренессанс, парковка на шесть авто, все коммуникации есть, отдельный подъезд. Шесть спален, включая пять гостевых и одну хозяйскую. Столовая на сто квадратов. Библиотека. Жилье класса люкс. Торг уместен.

У меня одной сложилось впечатление, что мне сейчас предлагают взять ипотеку и срочно купить эту недвижимость?

– И цена, я вам скажу, очень приятная. По сравнению с другими особняками такого класса, дом настолько дешев, что его может позволить себе даже начинающий аристократ! – заливался соловьем риелтор.

Я не знаю, когда нужно начинать быть аристократом. Боюсь, что слегка уже пропустила время полдника.

– И теперь меня обвиняют в том, что, дескать, я причастен к убийствам! – глаз эльфа дрогнул.

Я посмотрела на него с явным интересом, пытаясь представить его руки в крови.

Ом... Сейчас попробую расчехлить чакру и начистить карму. Я юрист, а не экстрасенс!

– В первый раз особняк купил господин Буше для Лориэль Яркая Звезда. Она по вечерам играла на его флейте, – начал черный риелтор. – Он хотел превратить этот особняк в оплот искусства, навещая его по понедельникам и пятницам. Но в один из пятничных вечеров он пропал! Пропал вместе с Лориэль! Его авто стояло возле дома, а его не было!

Великая сила искусства! Я уже заинтригована!

– Госпожа Буше искала его три дня. Она наняла частных детективов. Потом обратилась в полицию, где ей сообщили, что ее супруг, скорее всего, похищен с целью получения от безутешной госпожи Буше выкупа. Прошел год, господин Буше не объявился. Записки с суммой так и не поступало, – вздыхал эльф.

Госпожа Буше вызывает у меня много вопросов. А не она ли грохнула муженька, застав его с любовницей?

– Все решили, что он вместе Лоризель отправился в Лес Мегас. Особняк выставила на продажу госпожа Буше, привлекая меня, как риелтора, – с легким оттенком гордости произнес эльф. – Дом приобрела одна пожилая госпожа Шпипершплюй. Известная в узких кругах ценительница искусства. Она жила одна. И избегала общения с людьми. Только с оценщиками и антикварами. Ее привлекла коллекция картин и коллекция древностей. Но и она пропала после покупки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.